

Г.Д. ГЛОВЕЛИ

доктор экономических наук,
руководитель Центра ФГБУН Институт экономики РАН,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ПЕРВЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКИЕ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена оценке концепции особой российской школы экономической мысли, выдвинутой в конце XX в. выдающимися учеными Института экономики РАН Л.И. Абалкиным и Ю.Я. Ольсевичем. Обоснована позиция, согласно которой, при справедливо отмеченных в этой концепции особенностях движения российской экономической мысли в целом, правильнее говорить не о единой школе, а о различных школах российской экономической мысли, вносящих вклад в осмысление национального экономического своеобразия. Краткая характеристика этих школ дается в контексте концепции промышленных революций, выдвинутой основателем Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.И. Анчишкиным.

Ключевые слова: промышленные революции, концепция российской школы экономической мысли, национальные производительные силы, фритредерство, «воспитательный протекционизм», железнодорожное строительство в Российской империи, историческое направление в политэкономии, базисные и улучшающие инновации, Союз сибирских маслодельных артелей, организационно-производственная школа.

УДК: 338.012, 338(091), 330.82

EDN: GUPTRK

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_25_51

Историографическое введение

На рубеже XX и XXI в. – в 2000 году – директор Института экономики РАН Л.И. Абалкин (1930–2011) вынес на суд научной общественности концепцию особой российской школы экономической мысли. По его мнению, такая школа существовала с конца XIX в. до начала 1930-х годов и отличалась следующими особенностями: 1. Внимание к нравственным и социальным ценностям. 2. Требование государственного вмешательства в организацию экономической жизни, в частности, для предотвращения разрушительных последствий кризисов. 3. Осознание всемирности хозяйственных связей, охвативших многие народы и

цивилизации, в первую очередь громадного материка Евразия. 4. Теоретическое обоснование многоукладности экономики и устойчивый интерес к развитию кооперации [1, с. 33-34].

Стоит сказать, что Л.И. Абалкин возглавил Институт экономики АН СССР в 1985 г., будучи признанным специалистом по проблемам хозяйственного механизма и формационной политэкономии [2]. При этом, спустя всего несколько лет, Леонид Иванович разворачивает в Институте большую работу по переизданию классических трудов русских экономистов, считавшихся в советское время «ревизионистами», «буржуазными» и «мелкобуржуазными» идеологами, а то и «вредителями» (как это произошло с осужденными в 1930 г. по процессу «Трудовой крестьянской партии» и реабилитированными только в 1987 г. Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чаяновым, Н.П. Огановским, Л.Н. Юровским и др.). В 1989 г. в серии «Экономическое наследие» (в издательстве «Экономика») под редакцией Л.И. Абалкина вышли «Тектология. Всеобщая организационная наука» А.А. Богданова, «Проблемы экономической динамики» Н.Д. Кондратьева, «Крестьянское хозяйство. Избранные труды» А.В. Чаянова, в 1990 г. – «Социальные основы кооперации» М.И. Туган-Барановского. В 1992 г. Л.И. Абалкин стал президентом-основателем Международного Фонда Н.Д. Кондратьева (МФК), созданного на масштабной Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Кондратьева, и аккредитованного Отделением общественных наук РАН. В 1993 г. МФК издал двухтомник трудов Н.Д. Кондратьева «Особое мнение», а Международные Кондратьевские конференции стали регулярными. В 1997–1998 гг. уже в новой серии «Памятники экономической мысли» под редакцией Л.И. Абалкина были изданы труды М.И. Туган-Барановского «Избранное. Периодические промышленные кризисы» и «Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем».

Углубленный интерес к наследию Н.Д. Кондратьева и его учителя М.И. Туган-Барановского способствовал появлению концепции академика РАЕН Ю.В. Яковца о «школе русского циклизма» и ее продолжении в современных российских исследованиях на основе цивилизационного подхода [3]. Причем наряду с центральным, «длинноволновым» политэкономическим направлением «школы русского циклизма» Ю.В. Яковец выделил историософско-социологическое направление (Н. Данилевский, П. Сорокин), а также направление, которое можно охарактеризовать, как тектологическое (А.А. Богданов, В.А. Базаров). Одновременно главный научный сотрудник Института экономики РАН Ю.Я. Ольсевич (1929–2018), критически переосмысливая марксистский формационный (классовый) подход, поставил вопрос о национальной российской школе экономической мысли [4]. Л.И. Абалкин также противопоставил свою концепцию российской школы экономической

мысли жесткому классовому подходу, с позиций которого была написана многотомная (но незавершенная и тенденциозная) «История русской экономической мысли» (1955–1966), подготовленная коллективом сотрудников Института экономики АН СССР под руководством член-корреспондента АН СССР А.И. Пашкова (1900–1988).

На конференции 2000 г. о российской школе экономической мысли, организованной Институте экономики РАН и Вольным экономическим обществом, именно Ю.Я. Ольсевич наиболее решительно выступил в поддержку позиции Л.И. Абалкина, хотя национальную специфику экономической мысли в России трактовал несколько иначе. Истоки российской школы экономической мысли Ю.Я. Ольсевич возводил к первому российскому академику-политэконому А.К. Шторху (1769–1835) и президенту ВЭО Н.С. Мордвинову (1754–1845), обосновавших в «полемике со смитианством» три исходных посыла теоретического анализа: 1) о хозяйстве как национальной системе; 2) о включении производительных сил в эту систему; 3) об интегрированности материального и нематериального производства в эту систему [5, с. 38]. Ведущее место в российском продолжении «спектра несмитианских течений» Ю.Я. Ольсевич отводил А.И. Чупрову и М.И. Туган-Барановскому, исходивших из взаимодополнения эгоистического и кооперативного начал в хозяйственной деятельности. В особую заслугу Чупрову Ольсевич ставил фундаментальные труды по экономике железнодорожного транспорта, показавшие, что «именно железные дороги, строящиеся при непосредственном участии государства, образуют становой хребет национального рынка, формируют этот рынок и включают его в мировое хозяйство» [5, с. 43].

Раздались, однако, и другие голоса. Так, например, профессор СПбГУ Л.Д. Широкоград настаивал, что перечисленных Л.И. Абалкиным российских экономистов последней трети XIX в. – начала XX в. отнести к единой школе «никак нельзя», хотя, несомненно, самой выдающейся фигурой из них был М.И. Туган-Барановский [6, с. 54, 57]. Автор этих строк, соглашаясь с Ю.Я. Ольсевичем в том, что особенностью российской политэкономии было включение в понятие «хозяйственная система» системы национальных производительных сил с ее структурными и технологическими характеристиками, считал невозможным относить к единой школе Н.С. Мордвинова и А.К. Шторха, «критическое смитианство» которых было слишком разным. Добавлю, что позднее большим подарком Л.И. Абалкина всем историкам российской экономической мысли стали инициатива и издание полного русского перевода знаменитого «Курса политической экономии» А.К. Шторха, опубликованного в 1815 г. на французском языке и снискавшего широкую известность в Европе [7]. Благодаря этому стало возможным и новое, более глубокое прочтение Шторха [8].

Критическое отношение к концепции Л.И. Абалкина, а также скепсис в оценках научного вклада «эkleктика» А.И. Чупрова и кооперативного энтузиазма М.И. Туган-Барановского выразил германский историк экономической мысли в России Й. Цвайнерт [9, с. 358–359, 238–240]. К числу наиболее интересных сюжетов его книги относится критика старых версий германских политэкономов В. Рошера и Х.-Й. Серафима о якобы существовавшей на раннем этапе российской политэкономии «русско-немецкой школе». Впрочем, как было отмечено в моей рецензии на книгу Цвайнерта, он, при всей германской педантичности, не избежал тенденциозности и существенных пробелов [10].

В XXI в. наиболее увлеченно концепцию российской школы экономической мысли развивала профессор РАГС при Президенте РФ Г.Н. Сорвина (1936–2007), приложившая много сил для популяризации научного наследия М.И. Туган-Барановского и В.К. Дмитриева. Именно Туган-Барановскому и Дмитриеву Сорвина уделила главное внимание в своей версии российской школы политической экономии, достигшей в начале XX в. стадии «высокой теории» [11, с. 13].

Представитель нового поколения российских историков экономической мысли П.Н. Ключин¹, опираясь на шумпетерианское методологическое различие экономической мысли и экономического анализа, реконструировал российскую традицию экономического анализа на основе применения математических методов, зародившуюся в 1890-е и оборвавшуюся в 1930-е годы. Внутри этой традиции Ключин выделил «линию Туган-Барановского» и «линию Дмитриева»; по-новому высветил вклад Л.Н. Юровского и Н.Д. Кондратьева; а центральное место отвел Е.Е. Слуцкому. В противоположность Цвайнерту, Ключин подверг критике высказанное вышеупомянутым Серафимом и рядом российских авторов мнение об особой «киевской школе» в российской политэкономии. Вместе с тем Ключин подчеркнул нецелесообразность сведения к реконструированной им традиции (при всей ее значимости) всего многообразия российской экономической мысли указанного периода (примерно совпадающего с хронологическими рамками российской школы экономической мысли в исходной трактовке Л.И. Абалкина) [12].

С этим трудно не согласиться, как и с постановкой отдельного вопроса об интеграции в традицию наследия теоретиков мощного русского аграрно-эволюционного направления (Н.П. Огановский, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов). Но возникает вопрос и о реконструк-

¹ Защитил в Институте экономики РАН докторскую диссертацию «Становление теории хозяйственного кругооборота в российской традиции экономического анализа конца XIX – первой трети XX века» (2012).

ции других школ российской экономической мысли – за рамками указанного драматичного периода 1890–1935 гг., при всей его необычайной плодотворности. Тем более если речь идет о своеобразии российской системы производительных сил, с ее структурными и технологическими характеристиками, и специфике формирования национального рынка и его включения в мировое хозяйство. Все это осмысливалось российскими экономистами как «вековые темы», но с разных позиций [13]. Поэтому представляется интересным проследить движение российской экономической мысли как взаимодействие, а часто и как столкновение разных школ и направлений, испытывавших большее или меньшее европейское влияние, по исторически значимым, хотя не всегда эксплицированным проблемам.

К числу таких проблем относится и проблема промышленных революций, их влияния на хозяйственную структуру, на внешнеторговую и промышленную политику России. По понятным причинам долгое время в истории и историографии российской экономической мысли центральное место занимал аграрный вопрос (и не приходится умалять его значение). Проблемы же промышленного роста страны на протяжении большей части XX в. рассматривались в жестких рамках формационного партийно-классового подхода (марксистское учение о стадиях капитализма, «ленинская теория империализма», «социалистическая индустриализация и реконструкция», создание «материально-технической базы коммунизма» и роль в этом «научно-технической революции» (НТР) и т. д.). При этом сама формационная политэкономия костенела и профанировалась, а иные подходы отвергались как «буржуазные», «ревизионистские» и т. п.

Старейшие сотрудники Института экономики АН СССР, ветераны социал-демократического движения, академик С.Г. Струмилин (1877–1974) и член-корреспондент АН СССР К.А. Пажитнов (1879–1964) первыми поставили в ретроспективе проблему промышленного переворота ([14;15]) или промышленной революции в России, исходя из формационного критерия, заданного марксизмом. Промышленная революция была определена как коренной перелом в истории развития производительных сил и производственных отношений, связанный с переходом от мануфактурной стадии капитализма к фабричной стадии и формированием антагонистических классов буржуазии и пролетариата. Этим же критерием руководствовались и включившиеся в дискуссию о промышленной революции в России советские академические и вузовские историки [16]. Но надо отметить, что в дебатах об особенностях и хронологических рубежах промышленной революции в России почти не присутствовало наследие российской экономической мысли (за исключением В.И. Ульянова-Ленина).

Одновременно советские политэкономы размышляли о коренном переломе в производительных силах другой, современной им эпохи – о научно-технической революции. Провозглашалось, что она приближает «перерастание социалистического труда в коммунистический» [17]. Но за многочисленными разговорами о научно-технической революции в СССР обнаружился недостаток свидетельств того, что она воплощается в жизнь.

Решению проблемы, обозначенной как «соединение НТР с преимуществами социализма», не помог и масштабный проект «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР до 1990 г.». Однако в ходе академической разработки этой программы окрепло новое научное направление – научно-техническое прогнозирование, выраженное в экономических показателях. Оно способствовало рождению нового академического института – Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, который возглавил А.И. Анчишкин (1933–1987), сын политэконома-фронтовика, много лет проработавшего в Институте экономики АН СССР, И.А. Анчишкина (1903–1973) [18]. Итоговая монография академика А.И. Анчишкина «Наука. Техника. Экономика» (1986, 2-е изд. – 1989) впервые в отечественной научной литературе излагала стройную концепцию трех промышленных революций как переломных этапов роста мировых производительных сил, преобразующего и системы производственных отношений [19, с. 178–180].

К сожалению, если основанный А.И. Анчишкиным институт, пусть и с несколько измененным названием, сохранил значение центра оригинального научного направления, то вышеназванная монография ученого была, по существу, забыта и выпала из поля зрения различных авторов, писавших уже в новом веке о «второй», «третьей» и «четвертой» промышленных революциях [20]. Между тем она сохраняет свое методологическое значение, в том числе для ретроспективной эвристики – выявления новых значимых аспектов в истории хозяйства и экономической мысли.

Поскольку в современной научной литературе распространился термин Индустрия 4.0. как синоним «четвертой» промышленной революции, то мы считаем позволительным использовать понятия Индустрия 1.0., Индустрия 2.0. и Индустрия 3.0. (она же НТР) для обозначения трех предыдущих промышленных революций. И в настоящей статье впервые будет рассмотрено, как первые две из них «преломились» в наследии различных школ российской экономической мысли.

Западники-фритредеры, славянофилы-протекционисты и социалисты

Включение политической экономии в дисциплинарную структуру наук происходило в контексте первой промышленной революции (Индустрии 1.0.). Этот процесс сопровождался подъемом идеологии экономического либерализма, или, говоря словами первого русского обозревателя экономических доктрин В.П. Андросова (1803–1841), «проповеди свободного движения всех родов промышленности, как вернейшего средства дать капиталам возможно лучшее направление» [21, с. 431]. Не случайно, что и сам термин «промышленная революция» впервые появился в «Истории политической экономии в Европе» французца Ж.-А. Бланки (1798–1854), не скупившегося на дифирамбы основателю «школы свободной конкуренции» Адаму Смиту, учение которого возбудило по всей Англии чрезвычайное развитие крупной индустрии, основанной на внедрении «колоссов»-машин [22, с. 49]. Но, как отметил В. Андросов, хотя учение «индустриальной школы А. Смита» и проникло повсюду, только в Англии оно обрело «зрелую ясность», перешедшую в «догматическую важность» в экономической политике [21, с. 24]. Бланки, хотя и был протеей ведущего европейского смитианца Ж.-Б. Сэя, главы французской школы «либерального оптимизма», не умолчал о новых направлениях в политической экономии, с иных позиций оценивавших – и весьма критически – промышленную революцию с ее печальной стороной: «несметные богатства рядом с невыразимой нищетой», «пагубное уклонение от истинной социальной дороги» [22, с. 49]. Этими новыми направлениями были: учение Ж.Ш. Л. С. де Сисмонди о «недопотреблении» как причине кризисов промышленного производства; не вышедшие за пределы Франции и быстро забытые опыты «христианской политэкономии», а также оказавшиеся гораздо более влиятельными доктрины социалистов-утопистов.

Критическое отношение к социальным последствиям промышленной революции было отчетливо выражено в работах двух германских авторов, первыми обобщивших ее основные технические и экономические черты, – революционера-социалиста Ф. Энгельса и химика-реформиста К. Марло. Оба они, как и более ранние французские и английские социалисты, выступали с позиций защиты интересов формировавшегося индустриального рабочего класса [23, с. 604]. В другом разрезе – защиты интересов наций, вынужденных догонять «фабрику мира» Англию в индустриальном развитии, – выступили германский политэконом Ф. Лист, идеолог тарифного «воспитательного протекционизма», и французские банкиры-проектировщики братья Перейра, организаторы обществ удешевленного массового кредита.

В России, где дисциплинарное оформление политической экономии происходило в условиях затянувшегося крепостного права и осоз-

нения растущего промышленного отставания от Западной Европы, в своеобразных формах проявили себя сторонники всех отмеченных направлений. Академик Шторх, покритиковавший А. Смита в своем учении о «внутренних благах», в остальном следовал духу и букве экономического либерализма, принципу невмешательства в «естественный порядок» промышленности. Шторх предвосхитил современную интерпретацию наилучшего распределения ресурсов при свободном ценообразовании, отождествляемого с действием «невидимой руки» рынка [8, с. 40], и упредил Д. Рикардо в формулировке принципа сравнительных затрат в международной торговле [9, с. 72]. Но Рикардо, «тений из Лондонского Сити», обосновывая взаимовыгодность свободного обмена между нациями, держал в уме «фабрику мира» – Англию, с развитым машиностроением и передовым норфолкским севооборотом лендлордов и фермеров. А Шторх – отсталую аграрную Россию с архаичным трехпольем крепостных крестьян. И «преимущества» от свободы торговли» для России, отставшей в земледелии, Шторх сводил к международной специализации именно на земледелии, поскольку-де в мануфактурной промышленности Россия отстала еще больше. Из фритредерской посылки следовала и рекомендация не только отказаться от производства в России «тканей и утвари, которые мы получаем из Англии», но и «уступить права» западным предпринимателям на переработку российского сырья – льна, древесины, железа. Более того, хорошо знакомый с такой особенностью русского хозяйства, как сельские подсобные промыслы, Шторх объяснял сочетание крестьянами хлебопашества с домашней промышленностью «искаженным понятием о выгодах» у невежественных мужиков, не понимающих «великого принципа разделения труда» [8, с. 42].

Император Николай I, хотя и возвысил Шторха до вице-президента Академии наук, в экономической политике предпочел положиться на консервативного камералиста-протекциониста Е.Ф. Канкрин, не признававшего ни «естественной свободы» промышленности, ни взаимных выгод наций в торговле. Как министр финансов (в 1823–1844), покровительственными тарифами Канкрин поспособствовал замещению английских тканей продукцией отечественного производства и появлению в России свеклосахарной промышленности (в крепостнической оболочке вельможного предпринимательства). Однако отсутствие каменноугольной промышленности в стране и, напротив, переход передовых стран Запада на минеральное топливо лишили Россию былого лидерства в производстве и экспорте железа [24, с. 106]. Торможение роста черной металлургии и машиностроения наглядно демонстрировало отставание крепостнической империи от передовых стран, где распространение железнодорожного транспорта увенчало

промышленную революцию на ее родине – в Англии — и «разогнало» в континентальной Европе.

В наступившую эпоху парового транспорта в европейской политике столкнулись британский смитиански–рикардианский экономический либерализм, или манчестерство («космополитическая экономия», по словам ее запальчивого критика Ф. Листа), и германский «воспитательный протекционизм» догоняющей нации. Россия не осталась в стороне от этой дилеммы [25, с. 143]. К середине XIX в. в русской экономической мысли и русской экономической политике оформилось противостояние фритредеров и протекционистов.

Идеологами фритредерства еще при крепостном праве выступили А. Бутовский (1814–1890) и И. Вернадский (1821–1884), позднее в эпоху раскрепощения занявшие видное место в реформаторских Политико-экономических комитетах петербургских либералов-западников [26, с. 142]. Бутовский сочетал элементы либеральной западной политэкономии с отражением в приукрашенном виде российского крепостничества, которое он, в противоположность Шторху, отнюдь не приравнивал к рабству. Следуя Сэю, Бутовский впервые в русской экономической литературе широко пользовался категорией «предприниматели», предлагая своеобразную версию сословного деления [27]. Он вообще не выделял в особое сословие землевладельцев, первенствующего класса самодержавной России. Но подчеркивал различие между сословиями ученых, открывающих «законы природы и человечества», и предпринимателей, применяющих эти законы к образованию предприятий, производящих полезности. Низшее же – «исполнительное трудовое» сословие – предлагает свои рабочие силы для преобразования в полезности истин, указанных первыми, под руководством вторых [27, т. 1, с. 134]. Причем преимущество русских крепостных сравнительно с простой исполнительностью западных рабочих Бутовский считал (отсылая к примерам деловых успехов оброчных крестьян-кустарей) возможность возвыситься «на степень предпринимателя» [27, т. 1, с. 178].

Однако Бутовский не мог отрицать промышленного отставания России вследствие переворота, совершенного благодетельным «влиянием минерального топлива на развитие промышленности, и успехи богатства народного Англии, Франции, Бельгии» (где основная часть фабрик и заводов учреждается поблизости каменноугольных и железных копей) [27, т. 1, с. 90, 288]. Социально-экономический негатив этого переворота – рост производительности труда благодаря разделению занятий, обрекающих массу исполнительного сословия с ранней юности на утомляющие и отупляющие однообразные работы, – Бутовского не смущал. Резко высказываясь против «несбыточных мечтаний» социалистов о всеобщем довольстве, чиновник российского Министерства

финансов по-мальтузиански объяснял остроту «рабочего вопроса» на Западе чрезмерным размножением народных низов [27, т. 3, с. 367]. Ответственность же за кризисы промышленного перепроизводства («загромождение рынков») и усугубляемый ими пауперизм Бутовский возлагал на протекционизм, вовлекающий народное производство в «искусственные пути» [27, т. 2, с. 63, 656].

Убежденным противником социализма и протекционизма был и заведующий кафедрой политэкономии в Императорском Московском университете (1851–1856) И. Вернадский. Он подчеркивал, что Великобритания сняла возникшую в ходе промышленной революции классовую напряженность и избежала, в отличие от континентальной Европы, революционных потрясений в 1848–1849 гг. именно благодаря победе парламентского манчестерства, добившегося в 1846–1849 гг. отмены в Англии протекционистских Хлебных законов и Навигационного акта. Почитатель фритредеров Шторха, Рикардо и Сэя, Вернадский с начала 1850-х годов проникся идеей масштабного банковского кредита для промышленного роста, переведенной на практическую почву французскими дельцами братьями Перейра. Западники-фритредеры рассматривали либерализацию русской внешней торговли и насаждение коммерческого кредита и акционерного банковского предпринимательства как часть приложения к русской жизни идей, выработанных европейской наукой [26, с. 129–135].

Наряду с протекционизмом и рутинерством Канкрин (28, с. 203)), фритредеры подвергли критике русское общинное землевладение, которое московские славянофилы считали конститутивным признаком русской самобытности, а революционные демократы (А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, Н.Г. Чернышевский) стали оценивать как базис для прогрессивного преобразования русского хозяйственного строя в соответствии с идеалами западного социализма. Младшее же поколение славянофилов во главе с И.С. Аксаковым (1823–1886) стало уделять гораздо большее внимание вопросам развития национальной промышленности и торговли, выражать интересы купечества и фабрикантов великорусского центра.

Но и либералы-фритредеры, и почвенники-славянофилы, и прогрессисты-социалисты были едины в ожидании грандиозных перемен в России от главного «экономического чуда» XIX в. – железных дорог [29]. В год отмены крепостного права (1861 г.) был дозволен беспшлинный импорт железа, чугуна и металлических принадлежностей в количестве, необходимом владельцам российских машиностроительных заводов. В 1862 г. пост министра финансов надолго (до 1878 г.) занял граф М.Х. Рейтерн, единственный из всех министров финансов Российской империи убежденный западник-фритредер. Он инспирировал частнопредпринимательскую «железнодорожную лихорадку»

(«концессионную горячку»), в процессе которой Россия стала растущим рынком сбыта для западной продукции отраслей Индустрии 1.0.

Экономические интересы и идеологические пристрастия столкнулись в спорах о приоритетных направлениях российского железнодорожного строительства. Благодаря Рейтерну возобладал либеральный курс на поощрение грюндерства и агроэкспортную ориентацию сооружаемых по высокоприбыльным концессиям железнодорожных линий. Тогда как славянофильство стало добиваться превращения Москвы в железнодорожный узел для подвоза к ней и окрестным губерниям окраинных ресурсов для промышленной переработки [30]. «Железнодорожный вопрос» занял исключительное место в российской политэкономии, которая ни одной отрасли, рожденной промышленной революцией, не уделяла столько внимания, сколько рельсовому транспорту [31].

Российская историческая школа в политэкономии

Западники-фритредеры исходили из вечности истин, установленных европейскими политэкономами-либералами. Однако эпоха раскрепощения в России совпала с утверждением историзма в западной политэкономии, притом в разных версиях – университетской (германская историческая школа) и социалистически-революционной (марксизм).

Профессор Казанского, а затем Московского университета И.К. Бабст (1824–1881) выступил российским «глашатаем» исторического метода в политэкономии, определяя ее предмет как «народное хозяйство, во всем обширном значении этого слова, как продукт истории, который подчиняется «законам органического развития» наравне с остальными сторонами народного быта». Критикуя индивидуалистическую и дедуктивную односторонность «школы Адама Смита», Бабст впервые в русской литературе изложил формационную схему Маркса [32, с. 13–14] и одновременно заявил себя сторонником не революционной, но «умеренной» оппозиции экономическому либерализму [33].

Ученики Бабста А.К. Корсак (1832–1874) и А.И. Чупров (1842–1908) связали этот поиск с изучением цивилизационных особенностей России, укорененных в ее географии и истории. Корсак, первый русский экономист-компаративист, ввел в российскую политэкономия понятие «промышленная (индустриальная) революция» [34, с. 90], заимствовав его у К. Марло, а Чупров, основатель российской экономики транспорта и школы земских статистиков, – термин «научно-технический прогресс» [35, с. 113].

Корсак, прослеживая своеобразие эволюции институциональных форм ремесла и промышленности России в сравнении с их эволю-

цией в Западной Европе, первым четко охарактеризовал стадияльное различие между мануфактурой и фабрикой и роль прикладного естествознания для роста последней [34, с. 5]. Чупров систематизировал влияние не только железнодорожного, но и водного парового транспорта, а также электрических средств связи на мировое снижение транспортных издержек и тем самым – цен на массовую продукцию, новое территориальное размещение промышленности, а также на «разнузданную» кредитную и биржевую спекуляцию, повлекшую первую «великую депрессию» мирового хозяйства.

Корсак подчеркнул влияние на главные отрасли промышленной революции – текстильные, металлические и химические производства, паровую энергетику, в разнообразных приложениях, – технологического применения естественных наук, открытия в которых стали происходить с начала XIX в. почти непрерывно. Примечательно, что перечень технических нововведений Корсак завершил новым способом производства стали – посредством бессемеровского конвертера [34, с. 91]. В данном случае политэконом проявил незаурядную интуицию – в его время конвертерное получение стали только начинало применяться, но быстро завоевало себе прочное место в технике и дало начало «новой эпохе не только в металлургии железа, но и вообще в строительном деле» [36, с. 763]. Современные историки-экономисты оценивают внедрение конвертерной выплавки стали как стартовую инновацию Второй промышленной революции (Индустрии 2.0.) ([19, с. 172; 20, с. 95]).

Удешевленная сталь как массовый конструкционный материал придала мощный импульс прогрессу парового транспорта, связавшему Первую (Индустрия 1.0.) и Вторую (Индустрия 2.0) промышленные революции, а общеевропейское торжество идеологии фритредерства (примерно совпавшее с эпохой «великих реформ» в России!) дополнило, по словам ведущего российского патентоведа В.И. Вешнякова, «всеобъемлющий переворот» в международных отношениях «вследствие широкого развития морского пароходства, железных дорог и применения начал свободной торговли» [37, с. 300].

Однако в России результаты «применения начал свободной торговли» оказались разочаровывающими. При растворенных Рейтерном «таможенных воротах» явно усугубилось отставание России «от передового Запада» по объему производства в ведущих промышленных отраслях – металлургии и машиностроении. Каменноугольная промышленность и вовсе отсутствовала, а вопиющие злоупотребления железнодорожных концессионеров стали притчей во языцех [38, с. 287].

Снискавший известность в качестве основателя экономики железнодорожного транспорта А.И. Чупров в экспертно-публицистиче-

ском противостоянии этим «акулам» добивался менее обременительных для страны условий выкупа частных российских железных дорог в казну [39, стб. 20]. В теории же Чупров, апеллируя к урокам промышленной эволюции Англии и ее экономической мысли, стал предлагать передать под контроль государства не только железные дороги, но также коммунальное обслуживание (снабжение газом и водой) и даже обеспечение рабочих жилищами [40, с. XVII]. А близкий к нему по возрасту и взглядам И.И. Иванюков (1844–1912), отстаивая историко-реалистическое направление, развенчивал экономический либерализм, который вместо общественного благосостояния создал крайнюю шаткость, необеспеченность общественных отношений [41, с. 52].

Чупров и Иванюков продолжили заложенную академиком Шторхом российскую традицию «эkleктической политической экономии» [22, с. 152], сочетая уже не элементы смитианства и его критики, а классической школы, формационного подхода Маркса и «катедер-социализма» исторической школы с ее «средним положением» в «учении об организации хозяйства» [42, с. 213, 217]. Их коллега и друг академик И.И. Янжул (1846–1914), более строгий последователь исторической школы, подчеркивал, что свободная конкуренция, соответствуя интересам имущих классов, породила «рабочий вопрос», а либеральный космополитизм не привел к братскому единению народов [43, с. 155].

Новую форму «ликвидации старых понятий о свободной конкуренции» Янжул видел в охвате промышленности мировых стран-лидеров отраслевыми монополиями. Откомандированный Министерством финансов в США для изучения таких монополий, чтобы выработать рекомендации к аналогичным формам, начинавшим возникать и в российской крупной промышленности, Янжул сфокусировал внимание на первом и крупнейшем американском тресте, возникшем в новой динамичной отрасли Индустрии 2.0 – нефтяной. Он не только описал эффект вертикальной интеграции и дополнение железнодорожных перевозок новым видом транспорта – трубопроводным (pipelines), но и указал на щедрое финансирование научных экспериментов по дополнению основной нефтепереработки производством разнообразных побочных продуктов и тщательное патентование нововведений [44, с. 200–203, 217–218].

Таким образом, было положено начало систематическому изучению российскими политэкономами структурных и институциональных сдвигов, порожденных Второй промышленной революцией. Эту работу продолжил более молодой представитель исторической школы И.М. Кулишер (1878–1933) на примере опыта другой страны – лидера Индустрии 2.0. – Германии, особенно преуспевшей в промышленности органического синтеза, в электроэнергетике и электротехнике. Кулишер обрисовал применительно к химическим производствам

картину германского эффективного соединения научно-лабораторных исследований и фабрично-заводской промышленности и одновременно подчеркнул возросшую роль учреждений, отстаивавших интересы наемного труда (фабричное законодательство, профсоюзы и т. д.). Отсюда следовал вывод, что в последней трети XIX в. уменьшилась доля капиталистической прибыли, извлекаемой эксплуатацией исполнительного физического труда рабочего, но возросла доля капиталистической прибыли за счет присвоения результатов творческого труда изобретателя, воплощенного в технических усовершенствованиях. Ключевым для нового этапа крупной промышленности стало положение предпринимателя, как «передаточной инстанции» между изобретателем и потребителем, позволяющее удерживать в свою пользу часть продукта творческого труда, прежде чем этот продукт переходит к потребителю [45, с. 270].

Хотя И. Кулишеру не удалось создать убедительной эволюционной теории прибыли, сделанные им на основе анализа инноваций Второй промышленной революции обобщения можно считать предвосхищением как появившейся вскоре знаменитой шумпетеровской концепции предпринимательской прибыли от временной инновационной монополии, так и более поздней классификации инноваций на базисные и улучшающие Г. Менша. Ведь Кулишер выделял в качестве характерной черты современного предпринимательства высокие прибыли, получаемые за счет применения новых крупных изобретений в течение более или менее продолжительных периодов монопольного положения новаторов, приносящего дополнительный доход до тех пор, пока употребление нового изобретения не станет всеобщим. При этом параллельно в каждой отрасли индустрии непрерывно появляются новые мелкие усовершенствования, и если нововведения первого типа являются плодом творчества гениальных изобретателей, то гораздо более многочисленные нововведения второго типа связаны с наемными техниками, механиками, химиками и т. д. Но именно весь этот персонал оставался зависимым от предпринимателей, которые могли просто присваивать себе изобретения служащих своего предприятия [45, с. 251–253].

В то же время Кулишер, опираясь на маршаллианскую категорию потребительского излишка, отметил, что технический прогресс новых промышленных отраслей, паровых и электрифицированных средств сообщения и форм биржевой торговли обусловил снижение цен на рынках, что обернулось выигрышем для массового потребителя, в том числе для рабочих [45, с. 7]. Распространение же предпринимательских, рабочих и кооперативных объединений свидетельствовало о том, что «невмешательство» не есть «естественное состояние» экономики [46, с. 56].

Таким образом, к концу XIX в. российские представители исторической школы отвергли идеал «организации народного хозяйства, основанной на свободной конкуренции индивидуальных интересов», в качестве «заключительного момента экономического развития человечества» [41, с. 43]. Тогда же и возникли острые разногласия по поводу того, что считать «заключительным» или по крайней мере следующим моментом мирового экономического развития.

Эпоха Второй промышленной революции и новые школы российской экономической мысли

Как известно, поворот в экономической теории, называемый ныне (последние полвека) «маржиналистской революцией», сопровождался резонансным «спором о методах» (Methodenstreit) между возникшей австрийской школой и германской исторической школой. В единственной русской монографии, специально посвященной «спору о методах», «современная политическая экономия» характеризовалась уже не как продолжение «незыблемых оснований», данных А. Смитом, а как «параллельное господство» трех групп школ – английской классической, исторической и социалистической [47; 1]. Причем после констатации недоразумений, отождествлявших «классическую школу политической экономии с манчестерской школой экономической политики» [48; 60], российских политэкономов не привлекло теоретическое «брожение», породившее новые абстрактно-индивидуалистические концепции «психологического» и «математического» направлений (т. е. австрийской, лозаннской и англо-американских школ) [49]. Что касается практики, то после того как Российская империя присоединилась к повороту крупнейших государств континентальной Европы к обновленному протекционизму, ее затронула волна возродившегося интереса к учению предшественника исторической школы Ф. Листа о национальных производительных силах и покровительственной таможенной системе.

Главными пропагандистами и практиками «национальной экономики» и «воспитательного протекционизма» в духе Листа стали в России министр финансов С.Ю. Витте и универсальный промышленный эксперт (как правительства, так и частных российских предпринимателей), профессор химии Д.И. Менделеев. Именно в их работах национально-государственные интересы России были наиболее масштабно осмыслены в евразийском контексте «интересов мирового транзита» [50] с учетом срединного положения России на крупнейшем материке «между молотом Европы и наковальней Азии» [51, с. 3]. Витте, возглавившему правительство с багажом успешного инженера-путейца, была, как никому другому, близка идея Листа о национальной системе

путей сообщения (подразумевающей прежде всего развитую железнодорожную сеть) в качестве основы национальной ассоциации производительных сил. В лекциях Витте о государственном и народном хозяйстве, которые он читал наследнику престола в 1900 – 1902 гг., фритредерство оценивалось как экономическая политика, надолго обеспечившая торговое и промышленное преобладание Англии, а странам с более слабым народным хозяйством – невыгодная [52, с. 198]. Там же излагалось обоснование субсидируемого государством роста железнодорожной сети России, как важнейшего средства усиления ее промышленности и преодоления главных геоэкономических невыгод России: ее огромной континентальной протяженности в отдалении от теплых океанских вод и рассредоточенности главных месторождений угля и железа (в противоположность западным государствам – лидерам Индустрии 1.0.) [52, с. 74].

Инспирированный Витте усовершенствованный «воспитательный протекционизм» сопровождался новым всплеском железнодорожного строительства, на этот раз казенного² и имевшего заметный мультиплицирующий эффект не только для «подтягивания» отраслей Индустрии 1.0. (добыча угля, паровые двигатели, черная металлургия), но и для единственной отрасли уже Индустрии 2.0., где Российская империя на какое-то (пусть весьма непродолжительное) время вышла в мировые лидеры, – нефтяной. Доходы, поступавшие в казну из этой отрасли, не только стали постоянным ресурсом для пополнения бюджета, но и употреблялись на улучшение структуры промышленности – стимулирование машиностроения [53, с. 142].

Мощный прирост российской железнодорожной сети в последнем десятилетии XIX в. (23,6 тыс. км), продолжившийся и в начале XX в. (29,7 тыс. км), включая самую протяженную в мире (около 7 тыс. км) Транссибирскую магистраль (Великий Сибирский железнодорожный путь, Трансиб), втянул Россию тутими нитями в сеть мирового капиталистического хозяйства, в зигзаги мировой конъюнктуры с периодическими промышленными кризисами производства и выдвинул на повестку дня вопрос о стадийных закономерностях экономического развития страны.

Воздействие новых стадийных схем германской исторической школы в политэкономии и связанного с ней катедер-социализма стало переплетаться в русской экономической мысли с новым осмыслением судеб традиционных институтов сельской общины и кустарничества и с проникновением марксизма.

² Около 40% российской промышленности в конце XIX в. работало прямо или косвенно на железнодорожное строительство и железнодорожный транспорт.

Приверженцы катедер-социализма И.И. Иванюков и А.И. Чупров, противопоставляя вслед за А. Корсаком и К. Марксом мануфактурную и фабричную стадии крупного промышленного производства, считали необходимым учитывать живучесть в России семейных, общинных и артельных форм производства, которые помогут спасти мелких производителей [54, с. 411]. Витте, вполне вероятно, под влиянием помогавшего ему Иванюкова, считал возможным совершить в России «догоняющий» скачок промышленного роста – воспользовавшись «знаниями и опытами» (и капиталами!) Западной Европы, «миновать» мануфактурный период, или «средние ступени хозяйственного развития», и прямо перейти к крупному «машинному производству» [52, с. 41]. Легальные же народники конца XIX в. Н.К. Михайловский, В.П. Воронцов (псевдоним В.В.), Н.Ф. Даниельсон (псевдоним Николай_он) шли дальше, понимая под «средними стадиями» не только мануфактурный период, но и рожденную промышленной революцией городскую фабрику с массовым пролетариатом. Они призывали искать пути «обхода» этих стадий (т. е. капитализма³), опираясь на общину и кустарные промыслы, как «самобытные» русские институты (при содействии правительства и «идейно-рабочей силы» интеллигенции). А дерзкое поколение молодых российских марксистов стало в середине 1890-х годов яростно настаивать на формационном тождестве русского экономического развития с европейским, доказывая, что кустарные промыслы – всего лишь особая («рассеянная») форма капиталистической мануфактуры, которая и в России неизбежно уступит место фабричной крупной промышленности, в чем выразится прогресс национальных производительных сил [55, с. 64–66].

Впоследствии крайние из первых русских формационистов (П. Струве «справа» и В. Ульянов-Ленин (Вл. Ильин) «слева») так и остались упорными антинародниками, тогда как более мягкие С. Булгаков и М. Туган-Барановский пересмотрели свою жесткую позицию 1890-х годов, во многом признав правоту оппонентов-народников.

М.И. Туган-Барановский был первым в России, кто включил в свою книгу специальную главу «Промышленная революция» [56, с. 46], и он же закрепил в российской экономической литературе противопоставление «основного» капитала оборотному⁴ (под влиянием «Капитала» Маркса), тогда как прежде, под воздействием переводов А. Смита, русские политэкономы противопоставляли оборотному капиталу «постоянный» (или «стоячий» – fixed capital). Хотя М.И. Туган-Барановский не акцентировал внимания на том, что промышленная революция

³ Само слово «капитализм» было введено в русский обиход в 1880 г. В.П. Воронцовым (1847–1918).

⁴ Хотя первым такое противопоставление провел И.И. Иванюков [54, с. 89].

была прежде всего расширением состава и разнообразия элементов основного капитала (это позднее сделал Дж. Р. Хикс [57, с. 182]), категория основного капитала сыграла исключительную роль в разработке Туган-Барановским теории периодических промышленных кризисов, расширенной им затем до теории экономической конъюнктуры.

Выявив историко-статистическую синхронность совпадения изменения цен на железо с фазами капиталистического цикла, Туган-Барановский объяснил это тем, что железо является конструкционным материалом для главных элементов основного капитала – железных дорог, зданий и прочих сооружений, машин и оборудования [58, с. 289–290]. Впоследствии ученик Туган-Барановского Кондратьев особо выделил в структуре основного капитала категорию основных капитальных благ, обновление которых является, по гипотезе Кондратьева, материальной основой больших циклов конъюнктуры (длинных волн) [59, с. 389–391]. Заметим, что хронологические рамки описанных Кондратьевым 2-го большого цикла и повышательной фазы 3-го большого цикла примерно совпадают с рамками Второй промышленной революции, хотя сам ученый этого термина не употреблял.

Общероссийские дебаты легальных народников и марксистов повлияли не только на возникновение экономической школы русского циклизма. Они получили интересное продолжение в Сибири, о чем несколько лет назад напомнили иркутские историки-экономисты [60]. Любопытно, что ни одна из сторон в полемике о последствиях для экономики Зауральской России Великого Сибирского железнодорожного пути не смогла предугадать главного хозяйственного эффекта от сооружения грандиозной магистрали – расцвета сибирского экспортного маслоделия. Не предвидело этого эффекта и царское правительство, возлагавшее на Транссиб немалые ожидания [61].

Появление в российском хозяйстве новой экспортоспособной отрасли, превзошедшей к началу второго десятилетия XX в. по доле в русском экспорте все прочие промышленные отрасли (включая свеклосахарную и нефтяную), замечательно многими особенностями. 1. «Масляные поезда» из сибирских городов в Европу стали непреднамеренным благотворным последствием государственного почина – сооружения Транссиба (хотя маслоделие поначалу в расчет не бралось), а также и результатом намеренной организационной поддержки со стороны министра финансов Витте и первого российского министра земледелия, почетного академика А.С. Ермолова (1847–1917). 2. Прогресс сибирского маслоделия был основан на внедрении технологий Индустрии 2.0. – скандинавских молочных сепараторов. 3. Сибирское маслоделие развивалось в особой институциональной форме – артельной.

О сибирском «масляном» промышленном чуде можно говорить долго (еще Столыпин констатировал, что «вывоз масла дает больше

золота, чем все сибирские золотые прииски вместе взятые» [62, с. 108]). Но для нашей темы важно отметить, что именно успех Союза сибирских маслодельных артелей [63, с. 435–436] стимулировал разработку концепции агроиндустриальной вертикальной концентрации, выдвинутой А.В. Чаяновым (1888–1937), лидером нового направления русской экономической мысли – организационно-производственной школы, вышедшей из «горнила агрономической и кооперативной практики» [63, с. 199] и пестовавшей этически окрашенную программу кооперативного преобразования крестьянского семейно-трудового хозяйства. Эта школа, привнесшая в русскую постановку аграрного вопроса новую этику «любования здоровым хозяйством» [64] и новую утонченную технику анализа, наряду с трудами Н.П. Огановского [55, с. 108–135] стала вершиной русской аграрно-эволюционной мысли.

Заметим также, что сибирское маслоделие прогрессировало непрерывно, в отличие от той же нефтяной отрасли и от русской промышленности начала XX в. в целом. Особенно заметным было отставание в химической промышленности – как в производстве соды, революционизированном в ходе Индустрии 2.0., так и в подотраслях, порожденных уже собственно Второй промышленной революцией, – анилино-красочной и других. И это при высоком уровне химической науки в России. Похожая ситуация сложилась в электротехнике и энергетике, еще более значимых новых отраслях Индустрии 2.0. Электрическая отрасль чрезмерно зависела от германского капитала и импорта продуктов из Германии, несмотря на сильную школу русских электротехников (величайшие из которых, однако, вынуждены были эмигрировать). Уязвимой отраслью было и машиностроение, особенно транспортное (машины занимали самое значимое место в российском импорте начала XX в.) [65, с. 7]. Наконец, низким был уровень обеспеченности российской промышленности минеральными ресурсами, необходимыми для Индустрии 2.0., и осведомленности о них.

Мировая война заставила русских ученых и инженеров забыть тревогу по поводу открывшейся недопустимой экономической зависимости Российской империи от Германии, одной из причин чего была чрезвычайная недостаточность знаний о естественных производительных силах России [66, с. 680–681]. Созданная по инициативе академика Вернадского Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) развернула экспедиционную деятельность по изысканию в российских недрах всех химических элементов в концентрациях, необходимых для перевода в промышленную энергию. Одновременно последний директор Императорского Московского технического училища В.И. Гриневецкий (1861–1919) разработал первый цельный план национальной «модернизации промышленности» [65, с. 81] на основе анализа структурных проблем российской экономики и в видах нового

территориального размещения предприятий с существенным сдвигом производительных сил на восток страны. На первое место Гриневецкий ставил электрификацию промышленности путем снабжения ее энергией от районных станций, работающих на местном топливе [65, с. 47–48].

Разведка запасов различных химических элементов на территории страны, направляемая КЕПС, получила новый масштабный импульс уже после революции и образования СССР, когда потребовалось геохимическое обеспечение реализации планов «социалистической индустриализации» преимущественно на основе технологии Индустрии 2.0. В то же время предсмертная книга противника большевиков, «махрового реакционера Гриневецкого» (Л. Троцкий) сыграла парадоксальную роль, как источник при планировании «крупнейших технико-экономических проблем, решаемых пролетариатом СССР» [67, с. 260]. Это произошло после того, как «инженер революции» и топ-менеджер русского филиала электрического концерна «Сименс» Л.Б. Красин рекомендовал ее Председателю Совета народных комиссаров В. Ульянову-Ленину, а тот распорядился сделать ее настольной для всех руководителей и сотрудников советских наркоматов.

Много позднее один из основателей экономико-геополитической школы евразийства, историк Г.В. Вернадский (1887–1973), сын кадета В.И. Вернадского, основателя КЕПС и новой науки геохимии, и внук либерального политэконома И.В. Вернадского, подчеркнул, что русские естествоиспытатели и инженеры опередили русских экономистов в постановке вопроса об экономических ресурсах России во всем евразийском масштабе государства [68, с. 286–287]. И особо значимую роль в такой постановке Вернадский отводил трем деятелям: Д.И. Менделеву, своему отцу и инженеру В.И. Гриневецкому, которых можно считать зачинателями особого пространственно-промышленного направления русской экономической мысли. Оно получило своеобразное продолжение в различных школах уже советского периода. Но это тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: Институт экономики РАН, 2000.
2. Абалкин Л.И. Политическая экономия // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979.
3. Яковец Ю.В. Школа русского циклизма: истоки, этапы развития, перспективы. М.: МФК, 1998.
4. Ольсевич Ю.Я. К теории экономических трансформаций. Сб. статей. М.: Институт экономики РАН, 1997.
5. Ольсевич Ю.Я. О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки истории российской экономической мысли. М.: Наука, 2003.

6. Широкопад Л.Д. Существует ли российская школа экономической мысли // Очерки истории российской экономической мысли. М.: Наука, 2003.
7. Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода. М.: Экономическая газета, 2008.
8. Гловели Г.Д., Минаева Е.А. Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы» // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.
9. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805-1905. Пер. с нем. Л. И. Цедилина; под ред. В.С. Автономова. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.
10. Гловели Г.Д. Одна из возможных версий истории экономической мысли в России // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 140-155.
11. Сорвина Г.Н., Яковец Ю.В. Российская школа экономической мысли. М.: Изд-во РАГС, 2011.
12. Ключкин П.Н. Российская традиция экономического анализа (1890–1935). М.: Институт экономики РАН, 2014.
13. Гловели Г.Д. Производительные силы как парадигмальная категория российской школы экономической мысли // Вестник Международного института А. Богданова. 2001. № 1 (5). С. 5-48.
14. Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. ОГИЗ Госполитиздат, 1944.
15. Пажитнов К.А. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 68-76.
16. Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «Фабричная лихорадка» первой половины XIX века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 4. С. 5-38.
17. Иванова Р. К. Перерастание социалистического труда в коммунистический. М.: Наука, 1983.
18. Гусева М.Б. Иван Александрович Анчишкин // Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина. М.: ИНФРА-М, 2013.
19. Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. М.: Экономика, 1989.
20. Гловели Г.Д., Зайцева М.С., Минаева Е.А. Концепция промышленных революций: вклад Н. Винера и А.И. Анчишкина // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 2. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102
21. Андросов В. П. О предметах и настоящем состоянии Экономии политической // Телескоп. 1833. № 13. С. 4-41; № 16. С. 421-466.
22. Бланки Ж.-А. История политической экономии в Европе. Том 2. Пер. П.А. Библикова. СПб.: Тип. И.П. Глазунова, 1869.
23. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. СПб.: «Экономическая школа»; СПбГУЭиФ, ВШЭ, 2001. Т. 1–3.
24. Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Берлин: Издание евразийцев, 1932.
25. Веселовский К.С. Учение о свободной торговле в Англии // Журнал министерства государственных имуществ. 1845. Ч. XVII. Отд. II. С. 143-162.
26. Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Под науч. ред. А.А. Белых. М.: Дело, 2010.

27. *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1847. Т. 1–3.
28. *Вернадский И.В.* Очерк истории политической экономии. СПб.: Ред. «Экономического указателя», 1858.
29. *Дудзинская Е.А.* Строительство железных дорог в России в экономической программе славянофилов // Социально-экономическое развитие России. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М.: Наука, 1986.
30. *Рибер Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг великих реформ // Великие реформы в России, 1856–1874. М.: изд-во МГУ, 1992.
31. *Головачёв А. А.* История железнодорожного дела в России. Под науч. ред. А.А. Белых. М.: Дело, 2020.
32. *Бабст И.К.* Публичные лекции политической экономии. М.: Тип. Бахметева, 1860.
33. *Бабст И.К.* Исторический метод в политической экономии // Русский вестник. 1856. Т. 3. № 5-6. С. 84-142.
34. *Корсак А.К.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М.: Тип. Грачева и Ко, 1861.
35. *Чупров А.И.* О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. Речь на торжественном собрании Московского Университета 12 января 1889 г. // А.И. Чупров. Речи и статьи. Т. 1. Политическая экономия. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1909.
36. *Ржешотарский А., Менделеев Д.* Литая сталь// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/т. 34. СПб., 1896.
37. *Вешняков В.И.* Привилегии на изобретения // Сборник государственных знаний. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1874. С. 291-308.
38. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
39. *Гранат И.Н.* Чупров Александр Иванович// Энциклопедический словарь «Гранат». М.: 1926. Т. 49.
40. *Чупров А.И.* Предисловие // Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии. М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 1898.
41. *Иванюков И.И.* Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. М.: Типо-лит. Тов. И.Н. Кушнерёва и Ко, 1880.
42. *Чупров А.И.* История политической экономии. 8-е изд. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918.
43. *Янжул И.И.* Английская свободная торговля: Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1876.
44. *Янжул И.И.* Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединённых Штатах Северной Америки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.
45. *Кулишер И.М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли. Т. 2. СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена, 1908.
46. *Кулишер И.М.* Экономическая история, как наука, и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. 1908. № 7. С. 53-79.
47. *Левитский В.Ф.* Задачи и методы науки о народном хозяйстве. Ярославль: Типо-лит. Г.В. Фальк, 1890.

48. Гольцев В.А. Движение русской экономической науки // Русская мысль. 1885. № 3. Научный обзор. С. 60-77.
49. Железнов В.Я. Очерки политической экономии. 8 изд. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1918.
50. Витте С.Ю. Пути сообщения и экономическое развитие России // Витте С.Ю. Собр. соч. и документальных материалов в 5-ти т. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2002.
51. Менделеев Д.И. К познанию России. 6-е изд. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907.
52. Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. СПб.: Тип. АО Брокгауз и Ефрон, 1912.
53. Степанов В.Л. Нефтяная политика Витте в Закавказье (1892-1903) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 136-145.
54. Иванюков И.И. Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. М.: Кн. маг. Н.И. Мамонтова, 1891.
55. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. СПб: Алетейя, 2009.
56. Тузан-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб.: Мир Божий, 1903.
57. Хикс Дж. Р. Теория экономической истории. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики», 2003.
58. Тузан-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. 3-е изд. СПб.: Изд. т-ва О.Н. Поповой, 1914.
59. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
60. Судьбы капитализма в Сибири // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 507-637.
61. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб.: Мин-во финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1893.
62. Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье: записка. СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1911.
63. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
64. Макаров Н.П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918.
65. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-изд. М.: ВЦСПО, 1922.
66. Вернадский В.И. Об изучении естественных производительных сил России // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. 1915. Т. 9. № 8. С. 679-700.
67. Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. М.: Современник, 1991.
68. Вернадский Г.В. П.Н. Милюков и месторазвитие русского народа // Новый журнал. 1964. № 77. С. 254-289.

REFERENCES

1. Abalkin L.I. The Russian School of Economic Thought: the Search for Self-determination. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2000. (In Russ).
2. Abalkin L.I. Political Economy // The Economic Encyclopedia. Political economy. Vol. 3. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1979. (In Russ).

3. *Yakovets Yu.V.* The school of Russian cyclism: origins, stages of development, prospects. Moscow: IFC, 1998. (In Russ).
4. *Olseovich Yu.Ya.* Towards the theory of economic transformations. Collection of articles. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 1997. (In Russ).
5. *Olseovich Yu.Ya.* On the specifics of the national school of economic thought in Russia // Essays on the History of Russian Economic Thought. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ).
6. *Shirokorad L.D.* Is there a Russian school of economic thought? // Essays on the History of Russian Economic Thought. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ).
7. *Storkh A.K.* A Course of Political Economy, or an Exposition of the Principles that Determine the Well-Being of the People. Moscow: PH Economic newspaper, 2008. (In Russ).
8. *Gloveli G.D., Minaeva E.A.* The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or The Right and Left Hands of the «System of Natural Freedom» // Issues of Economic Theory. 2023. No.1. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45. (In Russ).
9. *Zweinert J.* The History of Economic Thought in Russia, 1805-1905. Translated from German by L. I. Tsedilin; edited by V. S. Avtonomov. Moscow: HSE Publishing House, 2007. (In Russ).
10. *Gloveli G.D.* One of the possible versions of the history of economic thought in Russia // Voprosy ekonomiki. 2008. No. 9. Pp. 140-155. (In Russ).
11. *Sorvina G.N., Yakovets Yu.V.* The Russian School of Economic Thought. Moscow: RAGS Publishing House, 2011. (In Russ).
12. *Klyukin P.N.* The Russian tradition of Economic Analysis (1890–1935). Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russ).
13. *Gloveli G.D.* Productive forces as a paradigmatic category of the Russian school of Economic Thought // Bulletin of the A. Bogdanov International Institute. 2001. No.1 (5). Pp. 5-48. (In Russ).
14. *Strumilin S.G.* Industrial revolution in Russia. OGIZ Gospolitizdat, 1944. (In Russ).
15. *Pazhitnov K.A.* On the question of the industrial revolution in Russia // Questions of History. 1952. No. 5. Pp. 78-86. (In Russ).
16. *Nechaev M.G.* In search of the origins of the industrial revolution in Russia, or the “Factory fever” of the first half of the 19th century // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Right. 2016. No. 4. Pp. 5-38. (In Russ).
17. *Ivanova R. K.* The transformation of socialist labor into communist labor. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ).
18. *Guseva M.B.* Ivan Aleksandrovich Anchishkin // Essays on the life and scientific activity of academician A.I. Anchishkin. Moscow: INFRA-M., 2013. (In Russ).
19. *Anchishkin A.I.* Science. Technology. Economy. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russ).
20. *Gloveli G.D., Zaitseva M.S., Minaeva E.A.* The Concept of Industrial Revolutions: the Contribution of N. Wiener and A.I. Anchishkin // Issues of Economic Theory. 2024. No. 2. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102. (In Russ).
21. *Androsov V.I.* On the Subjects and the Current State of Political Economy // Teleskop. 1833. No.13. Pp. 4-41; No. 16. Pp. 421-466. (In Russ).
22. *Blanqui J.-A.* The History of Political Economy in Europe. Vol. 2. Transl. by P.A. Bibikov. St. Petersburg: I.P. Glazunov, 1869. (In Russ).
23. *Schumpeter J.A.* History of economic analysis. Vol. 1-3. St. Petersburg: 2001. Economic school. St. Petersburg State University of Economics, Higher School of Economics. (In Russ).

24. *Savitsky P.N.* The location of Russian industry. Berlin: ed. Eurasians, 1932. (In Russ).
25. *Veselovsky K.S.* The doctrine of free trade in England // Journal of the Ministry of Public Protection. 1845. Vol. XVII. Dep. II. Pp. 143-162. (In Russ).
26. *Levin I.I.* Joint-stock commercial banks in Russia. Under the scientific editorship of A.A. Belykh. Moscow: Delo, 2010. (In Russ).
27. *Butovsky A.I.* The experience of national wealth, or the principles of political economy. St. Petersburg : type. H.I.M. Chancery, 1847. Vol. 1-3. (In Russ).
28. *Vernadsky I.V.* An essay on the history of political economy. St. Petersburg: Ed. of the Economic Index, 1858. (In Russ).
29. *Dudzinskaya E.A.* The construction of railways in Russia in the economic program of the Slavophiles // Socio-economic development of Russia. Collection of articles on the N.M. Druzhinin's 100th jubilee. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ).
30. *Riber J.* Group interests in the struggle around the great reforms // Great reforms in Russia, 1856–1874. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1992. (In Russ).
31. *Golovachev A. A.* History of the railway business in Russia. Under the scientific editorship of A.A. Belykh. Moscow: Delo, 2020. (In Russ).
32. *Babst I.K.* Public lectures on political economy. Moscow: Bakhmetev Printing house, 1860.
33. *Babst I.K.* Historical method in political economy // Russian Bulletin. 1856. Vol. 3. No. 5-6. Pp. 84-142. (In Russ).
34. *Korsak A.K.* About the forms of industry in general and about the importance of home production (handicraft and household industry) in Western Europe and in Russia. Moscow: Grachev and Co., 1861. (In Russ).
35. *Chuprov A.I.* On the nature and causes of the modern industrial crisis in Western Europe. Speech at the solemn meeting of Moscow University on January 12, 1889 // A.I. Chuprov. Speeches and articles. Vol. 1. Political economy. Moscow: M. and S.Sabashnikov, 1909. (In Russ).
36. *Rzheshotarsky A., Mendeleev D.* Cast steel// Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Semivol. 34. St. Petersburg, 1896. (In Russ).
37. *Veshnyakov V.I.* Privileges for inventions // Collection of state knowledge. St. Petersburg.: D.E.Kozhanchikov, 1874. Pp. 291-308. (In Russ).
38. *Kornilov A.A.* Course of history of Russia of the XIX century. Moscow: Higher School. 1993. (In Russ).
39. *Granat I.N.* Chuprov, Alexander Ivanovich// The Granat Encyclopedic Dictionary. Vol. 49. Moscow: 1926. Stb. 20. (In Russ).
40. *Chuprov A.I.* Preface // Toynbee A. The industrial revolution in England in the 18th century. Moscow: A.G. Kolchugin's type, 1898. (In Russ).
41. *Ivanyukov I.I.* The main provisions of the theory of economic policy from Adam Smith to the present. Moscow: I.N. Kushnerev's type and Co., 1880. (In Russ).
42. *Chuprov A.I.* History of political economy. 8th ed. Moscow: Publishing house of M. and S. Sabashnikov, 1918. (In Russ).
43. *Yanzhul I.I.* English free trade: A historical sketch of the development of ideas of free competition and the beginnings of government intervention. Iss. 1. Moscow: A.I. Mamontov and Co., 1876. (In Russ).
44. *Yanzhul I.I.* Commercial syndicates or business unions to regulate production mainly in the United States of North America. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1895. (In Russ).

45. *Kulisher I.M.* The evolution of capital gains in connection with the development of industry and trade. Vol. 2. St. Petersburg: A.G. Rosen's typolit, 1908. (In Russ).
46. *Kulisher I.M.* Economic history as a science and periods in the economic development of nations // Russian thought. 1908. No. 7. Pp. 53-79. (In Russ).
47. *Levitsky V.F.* Tasks and methods of the science of national economy. Russian Academy of Sciences. Yaroslavl: G.V.Falk's typolit., 1890. (In Russ).
48. *Goltsev V.A.* The Movement of Russian Economic Science // Russian thought. 1885. No. 3. Scientific review. Pp. 60-77. (In Russ).
49. *Zheleznov V.Ya.* Essays on political economy. 8th ed. M.: I.D. Sytin's type., 1918. (In Russ).
50. *Witte S.Y.* Ways of communication and economic development of Russia // Witte S.Y. Collection of soch. and documentary materials in 5 volumes. Vol. 1. Book 2. Part 1. Moscow, 2002. (In Russ).
51. *Mendeleeev D.I.* Towards the Knowledge of Russia. 6th ed. St. Petersburg. Type. by A. S. Suvorin, 1907. (In Russ)
52. *Witte S.Y.* Lecture notes on the state and national economy. St. Petersburg, type. JSC Brockhaus and Efron, 1912. (In Russ).
53. *Stepanov V.L.* Witte's oil policy in Transcaucasia (1892-1903) // Issues of Economic Theory. 2018. No. 2. Pp. 136-145. (In Russ).
54. *Ivanyukov I.I.* Political economy as a doctrine of the process of development of economic phenomena. 3rd ed. Moscow: A.I. Mamontov, 1891. (In Russ).
55. *Gloveli G.D.* Geopolitical economy in Russia: from discussions about identity to global models. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2009. (In Russ).
56. *Tugan-Baranovsky M.I.* Essays from the modern history of political economy and socialism. St. Petersburg: God's World, 1903. (In Russ).
57. *Hicks J. R.* Theory of economic history. Moscow: NP "Voprosy ekonomiki", 2003.
58. *Tugan-Baranovsky M.I.* Periodic industrial crises. 3rd ed. St. Petersburg: publishing house of O.N. Popova, 1914. (In Russ).
59. *Kondratiev N.D.* Large cycles of conjuncture and the theory of foresight: Selected works. Moscow: Ekonomika, 2002. (In Russ).
60. The fate of capitalism in Siberia // Historical-economic studies. 2016. Vol.17. No. 3. Pp. 507-637. (In Russ).
61. Siberia and the Great Siberian Railway. St. Petersburg: Ministry of Finance. Department of Trade and Manufactures, 1893. (In Russ).
62. *Stolypin P. A., Krivoshein A.V.* A trip to Siberia and the Volga region: a note. St. Petersburg: [Type. by A. S. Suvorin], 1911. (In Russ).
63. *Chayanov A.V.* Peasant farming. Selected works. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russ).
64. *Makarov N.P.* Socio-ethical roots in the Russian formulation of the agrarian question. Kharkov: Kharkov Agricultural Society, 1918. (In Russ).
65. *Grinevetsky V.I.* Post-war prospects of Russian industry. 2nd ed. Moscow: VTsSPO, 1922. (In Russ).
66. *Vernadsky V.I.* On the study of the natural productive forces of Russia // Proceedings of the Imperial Academy of Sciences. Ser. 6. 1915. Vol. 9. No. 8. Pp. 679-700. (In Russ).
67. *Valentinov N.* New economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death: The years of work in the Supreme Economic Council during the NEP. Moscow: Sovremennik, 1991. (In Russ).
68. *Vernadsky G.V. P.N. Milyukov and the Territorial development of the Russian people //* The New Review. N.Y. 1964. No. 77. Pp. 254-289. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 02.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гловели Георгий Джемалович – доктор экономических наук, руководитель Центра ФГБУН Институт экономики РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7871-6533

glovelig@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Georgy J. Gloveli – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Professor at the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7871-6533

glovelig@mail.ru

THE FIRST INDUSTRIAL REVOLUTIONS AND RUSSIAN SCHOOLS OF ECONOMIC THOUGHT

The article is devoted to the evaluation of the concept of a special Russian school of economic thought, put forward at the end of the 20th century by L.I. Abalkin and Yu.Ya. Olsevich, prominent scientists of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The position is substantiated that, although in this concept the peculiarities of the movement of the Russian school of economic thought were generally rightly noted, it is more correct to speak not about a single school, but about various schools of Russian economic thought that contributed to the understanding of the national economic identity. A brief description of these schools is given in the context of the concept of industrial revolutions put forward by A.I. Anchishkin, the founder of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: *industrial revolutions, the concept of the Russian school of economic thought, national productive forces, free trade, "educational protectionism", railway construction in the Russian Empire, historical trend in political economy, basic and improving innovations, Union of Siberian Dairy artels, organizational and production school.*

JEL: B12, B14, B15, B19, N01, N13, N7, O10, O14, O25, O30, O33.